

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНА Some Aspects of Improving the Language of Criminal Procedure Law

П. Г. Марфицин – профессор кафедры уголовного права и процесса Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, доктор юридических наук, профессор

P. G. Marfitsin – Professor of the Criminal Law and Procedure Department of N. I. Lobachevsky State University of Nizhniy Novgorod, Doctor of Law Sciences, Professor

Аннотация. В статье автором на лексическом, стилистическом и синтаксическом уровнях рассматриваются отдельные недостатки словесно-документального выражения уголовно-процессуального права.

The author estimates certain drawbacks of verbal documental narrative of the criminal procedure law on the lexical, stylistic and syntax level.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство (процесс), язык закона, термины, тавтология, участники уголовного процесса, нормы права.

Criminal proceedings, language of law, terms, tautology, participants of trial, legal norms.

Вопросам языка уголовно-процессуального закона посвящено достаточно мало фундаментальных работ, хотя нельзя сказать, что эта тема вообще учеными не затрагивается. Каждый исследователь или правоприменитель прямо или косвенно сталкивается с проблемами, порожденными некачественным использованием этого языка, но, к сожалению, не каждый пытается разобраться в его хитросплетениях.

Языковые правила, которые необходимо соблюдать в целях достижения точности, ясности и доступности законов, условно можно подразделить на лексические (касающиеся в основном терминологии), синтаксические и стилистические. Эти правила, безусловно, тесно связаны, так как употребление слов различной стилистической окраски – это сфера лексики, а синтаксическое построение предложений находит отражение в стилистике.

Исходя из этого, мы посчитали необходимым обратить внимание на отдельные вопросы языка уголовно-процессуального закона, которые не получили должного внимания в теории, и применили для этого рубрикацию, отражающую основные недостатки, допущенные законодателем в этой сфере.

Употребление слов в неточном или неправильном смысловом значении. Проблемным вопросом Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) на лексическом уровне остается употребление слов в неточном или неправильном смысловом значении, что затрудняет понимание некоторых норм и вызывает ошибки в их интерпретации.

Как и любые отрасли науки, право, в том числе и уголовно-процессуальное, оперирует определенными терминами и категориями, словами и словосочетаниями. Для этого используется лексика различных стилей современного русского языка – от книжного и официально-делового до разговорного («давать» объяснения и показания, «дача» заведомо ложного заключения, «слух» и т. д.). В то же время в УПК РФ имеются нормы, которые требуют уточнения терминов, местоположения дополнений, сочетаемости слов, языкового выражения отдельных положений. В связи с этим существует необходимость разработки предложений, направленных на устранение языковых проблем.

В ряде случаев из-за языковых неточностей искажается действительный смысл закона. Например, включенные в ч. 4 ст. 152 и ч. 2 ст. 154 УПК РФ слова «всесторонность», «полнота» и «объективность», имеющие принципиальное значение, отражены не как основополагающие предписания, а как условие для определения места производства предварительного расследования или для выделения уголовного дела в отдельное производство. Языковое их выражение воспринимается лишь как косвенный намек законодателя дознавателю и следователю, что предварительное расследование должно производиться всесторонне, полно и объективно.

Содержащаяся в ч. 1 ст. 73 УПК РФ языковая формула относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию, выражена не как обязывающая дознавателя, следователя норма. Осмысление фразы «при производстве по уголовному делу подлежат доказыванию...» приводит к выводу, что законодателем использовано безличное предложение, т. е. эта правовая установка

не адресована конкретным субъектам уголовно-процессуального права. Используемое здесь слово «подлежат» можно толковать и как право осуществлять эту деятельность, и как обязанность доказать наличие (или отсутствие) указанных законодателем обстоятельств.

Существуют примеры и иного вида. Так, в ч. 2 ст. 49 УПК РФ указано: «В качестве защитника допускаются адвокаты», в ч. 4 этой же статьи: «Адвокат допускается к участию в уголовном деле». То есть исходя из значения слова «допуск», можно сделать вывод, что суд или следователь могут как допустить, так и не допустить защитника (адвоката). Но это явно противоречит принципам уголовного процесса, ущемляет право на защиту.

Важной отличительной чертой юридической речи всегда являлось обилие разного рода устойчивых оборотов, формулировок, исключающих эмоционально-художественные и декларативные прочтения. Стремление законодателя к точному обозначению различных юридических понятий объясняет и активные словообразовательные процессы в языке уголовно-процессуального права: «дознание», «подследственность», «подсудность», «наказуемость». Большинство этих слов определены в толковых словарях с пометой «юр.», а слова «управомоченные», «воспрепятствование», «дознатель» и т. п. в лингвистических словарях чаще всего не отражены.

При выражении норм права, обосновании процессуальных действий субъектов уголовно-процессуальных правоотношений и определении порядка следственного производства точность словоупотребления играет особую роль. Для слов, часто употребляемых в составе юридических терминов, характерна ограниченная лексическая сочетаемость, например, «выносить определение», «заявлять ходатайства», но здесь также существуют нарушения в виде выбора неточного синонима, например, «приносить жалобы» (п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ). Слово «приносить» имеет следующие значения: «1. Неся, доставить. 2. Увлекая за собой, неся, пригнать. 3. Дать приплод или урожай. 4. Причинить. Дать в результате. 5. Произвести, осуществить что-нибудь, что указано существительным. 6. Разг. В сочетании со словами «нелегкая, черт, дьявол» [2]. Следовательно, использованный в тексте закона вариант не соответствует литературной норме. Правильнее было бы употребить сочетание «подавать жалобы». Многозначность

слова «приносить» дает возможность иного толкования нормы.

Еще один пример. Часто употребляемое в тексте УПК РФ слово «разрешать» имеет несколько значений в современном русском языке. Одно из них – «дать согласие на совершение чего-либо» – не соответствует в данном случае значению норм, в которых оно означает «найти выход из проблемы, противоречия, ответ на вопрос».

Иногда вызывает сомнение точность использования терминов. Так, в ч. 1 ст. 318 УПК РФ говорится о подаче заявления в суд *потерпевшим*, хотя, в соответствии с ч. 1 ст. 42 УПК РФ, это лицо таковым не является. Статья 111 УПК РФ поименована «Основания применения иных мер процессуального принуждения» и начинается словами: «В целях обеспечения...». Основания для применения этих мер данная норма не содержит. Таким образом, в наименовании статьи и ее содержании произошло смешение терминов «основания» и «цели». Подобная ситуация наблюдается в ст. 176 УПК РФ.

Вопросы лексического плана вызывает ст. 17 УПК РФ, поименованная «Свобода оценки доказательств», в которой говорится о «своем внутреннем убеждении». В этом случае в тексте закона усматривается избыточная точность, так как внутреннее убеждение человека не может быть чьим-либо еще. Аналогичная ситуация имеет место и в ч. 1 ст. 332 УПК РФ.

Речевые лексические ошибки, а также избыточная точность встречаются и в ч. 6 ст. 186 УПК РФ: «Следователь... вправе в любое время истребовать... фонограмму для осмотра и прослушивания». Лексически неверно в ст. 23 УПК РФ употреблена фраза «исключительно коммерческой или иной организации». Слова «исключительно» и «иной» взаимоисключают друг друга. В данном случае слово *исключительно* лишнее.

Неточно употребленные слова или фразы в тексте закона могут вызвать вопросы не только грамматического, но и правового характера. Например, в ст. 143 УПК РФ сказано, что «сообщение о совершенном или готовящемся преступлении... принимается лицом, получившим данное сообщение, о чем составляется рапорт об обнаружении признаков преступления». Формулировка этой статьи подразумевает, что если признаки преступления не содержатся в сообщении, то рапорт составлять не нужно. Но такой подход

неоднозначно воспринят как в теории уголовного процесса, так и в правоприменении.

Следует также обратить внимание и на иные аспекты использования отдельных терминов, например, таких как «догадка, предположение, слух» (ч. 2 ст. 75 УПК РФ). Термины «догадка» и «предположение» – это синонимы, способные заменить друг друга в так называемых стандартных текстах. Существительное «слух» рассматривается как «молва, известие о ком-, чем-н.» (обычно еще ничем не подтвержденное), а также как «слухок» – разг. неодобр.: то же, что и слух (в 3 знач.): «Пустить слух. Есть слух, что... Обывательский слух» [1, с. 592]. Таким образом, в этой норме правильнее было бы оставить только один из синонимов.

Тавтология. Тавтология – это разновидность плеоназма – повторение того же самого другими словами [3, с. 812]. Тавтология зачастую возникает из-за невнимательного отношения к тексту закона или значению слова, что порождает бедность языка, многословие и речевые ошибки. Все это нежелательно для содержания юридического акта, так как его текст предполагает нормативность. Тем не менее тавтология достаточно распространена в УПК РФ.

Тавтология может быть как скрытой, так и явной. Явная тавтология представляет собой использование однокоренных слов в относительно коротком отрезке текста. Ее можно наблюдать, например, в ч. 3 ст. 103 УПК РФ, где три раза употребляется однокоренное слово: «*Поручителю* разъясняется существо подозрения или обвинения, а также обязанности и ответственность *поручителя*, связанные с выполнением личного *поручительства*» (здесь и далее выделено нами – П. М.). Чтобы избежать повторов, можно было заменить во втором случае однокоренное слово местоимением *его*.

Однако заменить повторяющиеся слова синонимами не всегда возможно. Иногда это может привести к обеднению речи. Кроме того, специфика юридического языка состоит в том, что однокоренные слова на небольшом отрезке текста оправданны, если они являются единственными носителями определенных значений (например, правовыми терминами). Впрочем, это не оправдывает ситуацию, приведенную в нашем примере.

Скрытая тавтология часто появляется при соединении иноязычных и русских слов со сходным значением, а также слов, лексическое

значение которых дублируется. Иногда тавтологичность оправдана в тексте процессуального акта. Это можно объяснить повторением терминов или слов, входящих в состав термина. Наличие тавтологии в таких случаях неизбежно, но чаще всего это воспринимается как негативное явление и речевая ошибка.

Нередко в тексте УПК РФ имеет место тавтология, возникшая из-за нечеткой дифференциации понятий. Так, в ч. 9 ст. 182 УПК РФ сказано: «При производстве обыска во всяком случае *изымаются* предметы и документы, *изъятые* из оборота». Чтобы избежать повторений, вторую часть предложения можно было заменить на «предметы и документы, запрещенные к обращению».

Тавтологичность конструкций наблюдается в ч. 3 ст. 84 УПК РФ: «Документы приобщаются к материалам уголовного дела и *хранятся* в течение всего срока его *хранения*». Здесь мы наблюдаем явную тавтологию, возникшую вследствие синонимической бедности языка. Ее можно было избежать посредством перестроения предложения, например, «документы приобщаются к материалам уголовного дела на период всего срока его хранения». В некоторых случаях тавтология возникла вследствие наложения терминов. Об этом свидетельствуют следующие фразы: «...к обязательному участию в уголовном деле привлекаются их законные *представители* или *представители*» (ч. 2 ст. 45 УПК РФ); «При наличии иных *данных*, *дающих* основания подозревать лицо в совершении преступления...» (ч. 2 ст. 91 УПК РФ); «Если уголовное дело выделено в отдельное *производство* для *производства* предварительного расследования нового преступления...» (ч. 3 ст. 154 УПК РФ).

Следует признать, что допустимой в данном случае является только первая из приведенных конструкций. В ней имеет место ссылка на двух разных участников уголовного судопроизводства – представителя и законного представителя. В данном нормативном предписании должны быть указаны оба. Приемлемость такой фразы обусловлена спецификой юридического языка, о чем мы указывали выше.

Иные из приведенных выше ситуаций являются нежелательными в тексте закона. Чтобы избежать речевых ошибок, однокоренные слова здесь можно было заменить на синонимичные, например, *данные* на *сведения*, *производство* на *осуществление* и таким образом получить,

например, фразу: «Уголовное дело выделено в отдельное производство для осуществления предварительного расследования».

Имеют место и иные проявления тавтологии. Так, в ч. 3 ст. 153 УПК РФ она выражена не явно, но если вычленить два предложения «...соединение уголовных дел, находящихся в производстве дознавателя, производится на основании постановления прокурора», «...в случае если предварительное расследование осуществляется в форме дознания, указанное решение принимает прокурор», то становится понятно, что смысл их идентичен, они дублируют друг друга, поэтому одно из них лишнее.

Длинные в тексте и согласование однородных членов предложения. Нередко правильно воспринять смысл нормативного предписания мешают использованные законодателем очень длинные сложные предложения. Например, первое предложение п. 7 ст. 109 УПК РФ изложено следующим образом: «В случае если после окончания предварительного следствия сроки для предъявления материалов данного уголовного дела обвиняемому и его защитнику, предусмотренные частью пятой настоящей статьи, были соблюдены, однако 30 суток для ознакомления с материалами уголовного дела им оказалось недостаточно, следовательно с согласия руководителя следственного органа по субъекту Российской Федерации или приравненного к нему руководителя иного следственного органа вправе не позднее чем за 7 суток до истечения предельного срока содержания под стражей возбудить ходатайство о продлении этого срока перед судом, указанным в части третьей статьи 31 настоящего Кодекса, или военным судом соответствующего уровня». Представляется, что такой сложной синтаксической конструкции с сочинительной и подчинительной связями, осложненной причастными оборотами, можно было избежать.

Часть 1 ст. 352 УПК РФ гласит: «Если в ходе разбирательства уголовного дела судом с участием присяжных заседателей будут установлены обстоятельства, свидетельствующие о невменяемости подсудимого в момент совершения деяния, в котором он обвиняется, или свидетельствующие о том, что после совершения преступления у подсудимого наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение или исполнение наказания, что подтверждается результатами судебно-психиатрической экспер-

тизы, то председательствующий выносит постановление о прекращении рассмотрения уголовного дела с участием присяжных заседателей и направлении его для рассмотрения судом в порядке, установленном главой 51 настоящего Кодекса». Эта конструкция тоже является сложной синтаксической, включающей в себя как подчинительную, так и сочинительную связь, причастные обороты и однородные сказуемые. В таких длинных и семантически емких предложениях сложно проследить основную мысль, к тому же осложненную пояснениями и дополнениями.

Конструкция предложения может быть не такой сложной, как указано выше, но тем не менее неудачной. Опыт преподавания уголовного процесса показывает, что содержание п. 8 ч. 1 ст. 73, п. 1 ч. 2 ст. 75 и ряда других предписаний УПК РФ студентам приходится разьяснять особо.

И еще об одном. Предполагается, что текст закона должен быть стандартизированным, статьи и их части выстроены логично и соответствовать типовым схемам. К сожалению, имеются недо-

статки и в этой области. Так, в ч. 4 ст. 47 УПК РФ перечислены права обвиняемого, которые выражены однородными глаголами. Все они несовершенного вида, кроме одного. Пункт 2 ч. 4 указанной статьи выбивается из общего списка. Там использован глагол совершенного вида. Более того, в п. 19 этот же глагол *получать* дан, как и другие, в несовершенном виде.

Излагая материал, мы умышленно не формулировали конкретных предложений по совершенствованию УПК РФ. Было бы наивным полагать, что законодатель примет многочисленные изменения только для того, чтобы упорядочить язык закона. Поэтому наши суждения в основном рассчитаны на долгосрочную перспективу. Хотя имеется и ближайшая: во-первых, эти вопросы необходимо изучать, чтобы подобных ошибок не допускать в будущем; во-вторых, в условиях активного развития уголовно-процессуального законодательства избежать ошибок при формулировании новых или реформировании действующих правовых институтов.

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Т. 23 : Сафлор–Соан. – М. : Сов. энциклопедия, 1976. – 638 с.
2. Ожегов, С. И. Словарь русского языка : 70 000 слов / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1991. – 916 с.
3. Ушаков, Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция / Д. Н. Ушаков. – М. : Дом славян. кн., 2008. – 959 с.